

мышления в измененных состояниях сознания (например, обусловленных экстремальными условиями или же особыми психотехниками).

На что хотелось бы обратить особое внимание и ввести в рассмотрение, так это использование культурных символических текстов в материале данной книги. Сам характер вопросов, которые я предполагаю обсуждать, на мой взгляд, напрямую адресуется нас к символической репрезентации знания (мифы, сказки, притчи). Дело в том, что символический язык как раз и является тем средством, с помощью которого обычно обсуждаются вопросы подобной степени общности, сложности и абстрактности. Это достаточно известный прием. Однако обычно культурные тексты выступают или как объект исследования, или как иллюстрация позиции автора.

Я же попробую использовать символический язык как *инструмент анализа*. И вот в чем здесь разница. Когда символизм (язык символов или символические образы) выступает в качестве объекта исследования, то логика анализа в этом случае такая: выявляются разные смысловые грани данного символа (языкового или изобразительного) в разных культурах в разные исторические времена. Предлагаются разные реконструкции глубинных аспектов смысла символа. На этой основе нередко предпринимается попытка расшифровки или новой интерпретации иногда ранее неразгаданных, иногда уже включенных в ткань культуры, но настолько важных символов, что новые попытки их понимания только обогащают человеческую мысль.

В том случае, если символические тексты или изображения используются *для иллюстрации* уже сложившейся авторской позиции, они обычно также перетолковываются, т.к. впрямую, непосредственно, символ не может ни подтвердить, ни опровергнуть ничто из того, что формулируется с использованием, так сказать, «поверхностного языка» (в частности, научного)¹.

Я же попробую использовать символические тексты как *инструмент анализа* тех сфер *эволюции человека, которые не поддаются непосредственному изучению* (они находятся за пределами человеческого опыта не только в плане отсутствия взаимодействия с ними — например, удаленность во времени, — но и недоступности непосредственному переживанию — например, альтернативная реальность).

Но для того, чтобы использовать подобные пласты человеческой культуры в качестве инструмента анализа, следует, как мне кажется, сначала изучить саму эту форму репрезентации человеческого опыта, чтобы отчетливо понимать те возможности, которые предоставляются такой формой знания. Поэтому, хотя книга посвящена проблемам эволюции и сознания, в ней имеются главы о символах, логике их возникновения, способах и формах их постижения.

Итак, монография посвящена проблемам эволюции и сознания. Существенным для меня является то, что традиционный подход к пониманию эволюции человека (и в частности, логики формирования и развития его когнитивных способностей), на мой взгляд, несвободен от серьезных внутренних противоречий. По крайней мере, в той части, которая касается концепции естественного отбора, а еще конкретнее, предположение репродуктивного поведения. В связи с этим, в первой главе я анализирую эти трудности, а также намечаю возможные варианты решения проблемы.

Поскольку современное состояние мыслительной сферы человека не может быть понято в отрыве от логики ее формирования, в монографии рассматриваются вопросы, связанные с выявлением параметров реликтового мироощущения, а также тех внутриличностных основ, которые обуславливают такое взаимодействие человека и мира.

В рамках анализа эволюционного процесса выделяются два аспекта эволюционных изменений. При этом то, что традиционно понимается под эволюцией, на мой взгляд, представляет собой лишь последовательность *заключительных сцен множества отдельных спектаклей*, разворачивающихся на уровне действия универсальных сил. На основе рассмотрения этих процессов предлагается модель эволюции, которую я назвала «объемной», имея в виду, что традиционная концепция, по своей природе, является плоскостной.

Анализируя проблемы сознания, я выделяю два смысла этого понятия. Один – сознание как универсальная сила, участвующая в создании человека как вида. Второй – специфически человеческое сознание, производное от сознания как универсальной силы и формирующееся в результате попыток человека приспособиться к среде, в которой он оказался на

одном из этапов своего эволюционного развития. Я рассматриваю параметры каждого из этих феноменов, опираясь на концепцию «инь-ян» китайской традиции.

Переходя к анализу природы современных когнитивных способностей, я стараюсь показать, что тот тип мыслительной активности, который сегодня демонстрирует человек, является *естественным* результатом *внутренней трансформации*, которую он пережил на переломном этапе своей истории. Этот момент, на мой взгляд, символически представлен в библейском сюжете о грехопадении. Поэтому специальное внимание уделяется его рассмотрению.

Язык представляет собой одно из важнейших и, быть может, наиболее развитых воплощений когнитивных возможностей человека. В монографии я стараюсь показать, что его формирование осуществлялось на собственной основе, в ходе *естественной эволюции* человека как вида. Для этого предлагается объяснительная модель, где возможность именованности как выражения *сущности именуемого* связывается с феноменом *звукоподражания внутреннему ощущению*, возникающему у субъекта при глубинном постижении объекта. Здесь используются свидетельства, полученные в ходе экспериментов с психоделиками.

В монографии отдельная глава посвящена пониманию природы бессознательного психического. В ней, в свете метафоры, полученной в сновидении, предлагается определенное расширение понятия «бессознательное» на основе введения в рассмотрение тех аспектов психических содержаний, которые производны, а точнее, являются *другой формой выражения энергетических процессов*, протекающих в человеческом теле.

Как видим, вопросы, которые затрагиваются в данной работе, достаточно разнообразны. Однако темы эволюции и сознания являются сквозными. Можно сказать, что, кроме тех глав, которые посвящены им *непосредственно*, они рассматриваются применительно *к каждому* из обсуждаемых вопросов. Это связано с тем, что и *феномен эволюции* человека как вида, и самые разные аспекты, относящиеся к проблематике *сознания*, настолько значимы, что имеют те или иные выходы, практически, на любую сферу человеческой жизнедеятельности. Этим объясняются некоторые перекрещивания и повторы, которые встречаются в тексте.

Я хочу поблагодарить всех тех людей, которые в той или иной форме способствовали появлению этой работы. Это Смирнова Е.Д., Шкуричева Н.А., Кашпар А.В., Сидоров В.Е., Ивкина Н.А., Медоева Л.И., Шабалов К.П., Никишова И.С. и Силаева О.Л.

Особую благодарность приношу сотрудникам сектора эволюционной эпистемологии, работы которых оказали стимулирующее влияние на формирование моей позиции. Это Меркулов И.П., Князева Е.Н. и Герасимова И.А.

1. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА

1.1. Противоречия концепции естественного отбора

Существуют различные варианты сжатого изложения базисных параметров дарвиновской эволюционной парадигмы. Я бы предложила такой: эволюция направляется случайностью, плюс удачным стечением обстоятельств, плюс необходимостью. Что я имею в виду?

Когда я говорю о *случайности* как об одном из определяющих факторов эволюции в дарвиновской парадигме, то имею в виду случайные мутации генов, которые обуславливают возникновение адаптивно ценных качеств. Упоминая *удачное стечение обстоятельств*, являющееся необходимым элементом реализации идеи отбора, я подразумеваю последующее рождение разнополых детей и их скрещивание между собой², приведшее к появлению здорового потомства³. Ссылаясь на *необходимый* фактор, я имею в виду последующее давление естественного отбора, выражающееся, в частности, в том, что носители благоприятной мутации, обеспечивающей возникновение адаптивно ценного качества, оказываются более привлекательными для особей противоположного пола, а также то, что они лучше приспособлены к условиям окружающей среды.

Вряд ли особь противоположного пола может оценить преимущество формирующихся предпосылок зарождения, допустим, зоны Брока⁴. Ощущения *когнитивного превосходства* особи-носителя адаптивно ценной

мутации у представителей противоположного пола тоже, по логике вещей, не может быть, т.к., хотя многие когнитивные способности имеют генетические привязки, тем не менее, никто даже из сторонников данной парадигмы не утверждает, что адаптивно ценное когнитивное качество появляется *сразу вслед* за случайной мутацией. Речь всегда идет о *длительном* процессе формирования когнитивных способностей в процессе естественного отбора носителей адаптивно ценной мутации. Но если это процесс длительный, растягивающийся на многие поколения, то как особь-носитель еще не сформированного качества по *этому основанию* может оказаться предпочитаемой при спаривании? Спаривание будет происходить на каком-то другом основании, но тогда и отбираться будет то качество, которое было основанием непосредственного предпочтения в сексуальном контакте, а не то, которое *потом* должно сложиться.

Преимущества «социального статуса» тем более не могут проявиться у особи-носителя случайной мутации, которая *когда-нибудь* приведет к формированию селективно ценного качества. О чем идет речь?

Известные авторы монографии «Генетика человека» Ф.Фогель и А.Мотульски пишут следующее: «Наиболее важный аспект эволюции человека — совершенствование его умственных способностей. Для того, чтобы этот феномен имел место, требовалось наличие репродуктивного преимущества индивидов, несущих соответствующие гены. Резонно предположить, что такие гены чаще встречаются у индивидов, занимающих высшую ступень в социальной иерархии своего селения, поскольку именно они выделяются своим умением организовать охоту, обеспечить жителей запасами пищи и уладить конфликты между членами общины.

Было показано, что племенные вожди действительно имеют по несколько жен и намного большее число детей, чем другие мужчины... При изучении племени шавантов оказалось, что 16 из 37 женатых мужчин состо-

яли в полигамных браках; 65 из 89 выживших детей родились от полигамных брачных союзов. Вождь вступал в брак не менее пяти раз (больше, чем любой другой член группы) и имел 23 ребенка, т.е. доля его детей в группе составляла приблизительно одну четвертую.

Если большое число детей у мужчин, имеющих высокий социальный ранг, – общая особенность популяций первобытных людей и если умственные способности, позволяющие достичь высокого положения, действительно определяются генетическими факторами (по крайней мере, частично), механизм сравнительно быстрой эволюции такого специфически человеческого признака, как уникальные умственные способности, становится понятным»⁵.

Здесь я бы не согласилась с авторами, хотя несоответствие в их рассуждениях, на первый взгляд, не бросается в глаза. Более того, кажется очевидной и неоспоримой логика их аргументации. Но проблема в том, что они анализируют *современные* сообщества, представители которых, хотя и находятся на примитивном, по сравнению с человеком технократической цивилизации, уровне эволюции, тем не менее, имеют вполне развитые и сформированные когнитивные способности. Иначе говоря, те самые когнитивные способности, *возможность возникновения* и эволюции которых в *результате* давления естественного отбора и *должна обосновываться* бóльшим процентом детей у лиц с высоким социальным статусом и которые на ранних этапах эволюции как раз-то и не были еще сформированы.

Не будем забывать, что вся эта красивая, замечательная аргументация с преимущественным оставлением потомства вождями племени направлена на то, чтобы доказать, что когнитивные способности *могли развиваться* в результате отбора по признаку высокого социального статуса. Иначе говоря, что был высокий социальный статус, основанный *не на* более высокоразвитых когнитив-

ных способностях, поскольку последние *еще только должны сформироваться* в результате предпочтения таких людей женщинами данного племени. Но если высокий социальный статус на чем-то основан и это что-то — не когнитивные способности, которые еще только когда-нибудь разовьются вследствие давления отбора, то и отбор, ориентированный на высокий социальный статус, проходил по какому-то другому основанию. А точнее, по тому, которое и лежало в основе выдвижения кого-то вождем.

Но в любом случае, это были не когнитивные способности, если им еще только предстояло развиваться на основании предпочтений в репродуктивном поведении носителей некой ценной мутации.

Кстати говоря, замечу в скобках, что исследователями поведения животных установлено, что наименее склонны к новациям самцы высокого ранга. Так, например, известная исследовательница поведения животных в естественных условиях, Джейн Гудолл, подсчитала, что из 11 случаев орудования палкой⁶ 8 раз ее держали детеныши и 3 раза молодые самочки. Не правда ли, такая картина плохо согласуется с идеей выдающегося уровня развития когнитивных способностей у так называемых «альфа-самцов»⁷? Это — косвенное свидетельство того, что социальными лидерами далеко не всегда становятся члены сообщества с наиболее развитыми когнитивными способностями. Поэтому, даже если бы не было того возражения, которое я сформулировала выше и которое имеет чисто логическую природу, аргументация Ф.Фогеля и А.Мотульского в плане обоснования логики когнитивной эволюции была бы все равно неэффективной.

Получается, что идея естественного отбора, кажущаяся вполне очевидной при рассмотрении ситуации на огромных временных промежутках, оказывается логически не адекватной, если мы пытаемся замкнуть случайную мутацию, обуславливающую селективно ценное качество, и отбор *на одну и ту же особь*. И это ставит под

сомнение всю идею такого обоснования логики эволюции когнитивных способностей, потому что, как может стать *предпосылкой (основанием)* отбора то, что должно сформироваться в *результате* отбора?

Единственной возможностью разрешить указанное логическое противоречие, на первый взгляд, остается фенотипический отбор, т.е. отбор, основанный на предпочтении особями одного пола особей другого пола на основании большей *внешней* привлекательности именно тех, кто является носителем будущих селективно ценных качеств. Это кажется возможным, поскольку именно в фенотипической специфичности особи-носителя может сразу же проявиться генетическая мутация.

Иначе говоря, мы имеем случайную мутацию X, которая привела к тому, что ее носитель стал выглядеть для самок более физически привлекательным (не важно, что это конкретно: необычный рост или особая волосистость, или наоборот, безволосость, или еще что-то). Тогда понятно, что самка предпочтет такого самца, и у него повышаются шансы передать потомству большее число генов, в том числе и мутацию, интересующую нас. Т.е. связь между генетической мутацией и фенотипическим признаком (в отличие от когнитивных способностей или социального статуса) *может быть замкнута на самую первую особь-носителя* благоприятной мутации. Тогда и естественный отбор по этому основанию, вроде бы, оказывается возможным. Теперь дело за малым. Надо всего лишь допустить, что когнитивные способности оказываются побочной формой проявления той или иной фенотипической специфичности, и идея эволюции когнитивных способностей на основании дарвиновского естественного отбора как будто бы реализуема. Потому что данная фенотипия будет устойчиво отбираться, т.е. особи-носители будут предпочитаться и оставлять больше потомства. Потомство, имеющее те же внешние признаки, тоже окажется в числе предпочитаемых и оставит

свое потомство. Так представленность исходной мутации будет увеличиваться от поколения к поколению. А поскольку она же — в основе некоторого *когнитивно* ценного качества, то, отбирая определенную фенотипию, будут отбирать и соответствующее ей когнитивное качество. Так и окажется возможной когнитивная эволюция на основе идеи естественного отбора в *традиционном* его понимании.

Конечно, приведенная аргументация — это всего лишь ментальная уловка, которую я предложила в качестве примера того, как легко доказать любую общую теорию. Но она же — свидетельство того, как трудно это сделать, потому что на самом деле она ничего не доказывает. И сейчас я покажу почему.

Если мы посмотрим немного глубже и задумаемся о *предпосылках*, которые могли бы лежать в основании *устойчивого* предпочтения особями одного пола особей другого, то обратим внимание на один существенный вопрос: *почему* данный фенотипический признак (не важно, что это: рост, вес, особый цвет волос, особый тип лица и т.п.) может *устойчиво* стать основанием для физиологического предпочтения (т.е. желания спариться именно с этой особью и именно потому, что она выше, ниже, сложена так, а не иначе и т.п.)? Ведь отдельные предпочтения могут вылиться в физиологически выраженную тенденцию эволюции вида только в том случае, если это предпочтение *стабильно, в массе своей*, демонстрируют особи противоположного пола. Но тогда возникает вопрос: а почему некоторое внешнее качество⁸ может оказаться устойчиво предпочитаемым большинством членов данного сообщества?

Здесь, как мы видим, переплетаются два фактора: выдающаяся внешняя привлекательность, делающая особь предпочитаемой в сексуальных взаимодействиях (что и позволяет ей оставлять большее потомство) и отбор за счет этого какого-то адаптивно ценного призна-